

Да здравствует разум!

Учитель: Ну, а еще кого? Перечисли всех.

Ученик: Оружико начальники, чиновников колониальной администрации, офицеров французской армии, козлов плантации и вообще всех старших...

Учитель: Если ты будешь иметь честь служить в армии, чего ты там должен желать?

Ученик: Стрелять во врагов Франции.

Учитель: Как ты узнаешь врагов?

Ученик: Их мне укажут начальники. Советские школьники хорошо распознают своих врагов и друзей. Они отлично разбираются, на чьей стороне правда и справедливость.

Нашу школу с первых дней советской власти строил, создавал и пестовал народ. Через несколько недель после Октябрьской революции, в Смольном, Владимир Ильич Ленин читал письмо из далекой Сибири:

«Дорогой товарищ Ленин!

Я пишу из города Красноярск. Я ученица Красноярской губернской женской гимназии в III-ем нормальном классе. Вы большевик и я тоже большевичка. Пожалуйста, я Вас прошу написать нашей гимназии предписание, чтобы у нас не был обязательный закон божий, так как наша гимназия буржуазная и она потому не изволила с самого начала сделать закон божий не обязательным. Я очень и очень Вас прошу написать мне хоть маленькое отдельное письмо.

Мой адрес такой: г. Красноярск, Благовещенская ул., № 68, кв. большевика Замощина. Получить большевичке Жене Замощиной».

Ответом на запросы переходной молодежи передовых людей нашей страны был Ленинский декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. За десятилетие между окончанием гражданской войны и историческим XVI съездом партии — съездом развернутого социалистического наступления по всему фронту — советский народ, руководимый Лениным, руководимый Сталиным, создал большое количество культурных учреждений и школ, чем царская Россия за сто лет. Но и это не могло удовлетворить высокие запросы советских людей. В июне 1930 года, выступая на XVI съезде партии, товарищ Сталин заявил: «Следует теперь — перейти на обязательное первоначальное обучение. Я говорю «обязательное», так как такой переход означал бы решающий шаг в деле культурной революции». И 14 августа 1930 года правительством принято предложение товарища Сталина постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении детей».

С удовлетворением отмечает советский народ двадцатую годовщину Сталинского закона о всеобщем обучении. Из знойного узбекского кишлака, с лесистой железной дороги, из далекой деревни Владимирской области пришли в сегодняшний номер «Литературной газеты» корреспонденции — наглядные свидетельства того, как просвещение, культура пошли в плоть и кровь советского народа. Неизбежны достижения нашей страны в области культуры за последние два десятилетия. Но золотое большинство правильно гласит: подводя итоги, сосредоточить внимание на еще не решенных задачах.

Надо еще выше поднять качество обучения в семилетних школах. Нельзя забывать и о тех юношах и девушках, которые вынуждены были из-за войны прервать учение и оказались сейчас без законченного образования. Долг министерства просвещения во всех союзных республиках, долг советской общественности быстрее восполнить этот ущерб, нанесенный войной.

«Семилетка для всех» осуществлена в нашей стране. Но не за горами тот день, когда наша партия, наше правительство поставит качественно новую задачу: «Среднее образование — для всех». В расширенное среднего образования до размеров всеобщего и обязательного надо творчески готовиться уже сейчас. И это благородная задача Академии педагогических наук. Семилетними шагами движется наша страна по пути развития самой передовой в мире, социалистической культуры. Никакие прожекты поджигателей войны не смогут остановить этого поступательного движения. Социалистическая культура нашего народа противопоставит звериной «культуре» и «морали» капиталистов. Мы не боимся развития разума. Мы выступили в этом году из средних и семилетних общеобразовательных школ на 25 процентов больше молодежи, чем в 1949 году. Мы выступили в этом году из вузов, техникумов около пятисот тысяч молодых специалистов и свыше трехсот тридцати тысяч человек принимаем в вузы. Мы знаем: зловещий мрак капитализма стгнет. А светлый разум коммунизма победит навсегда!

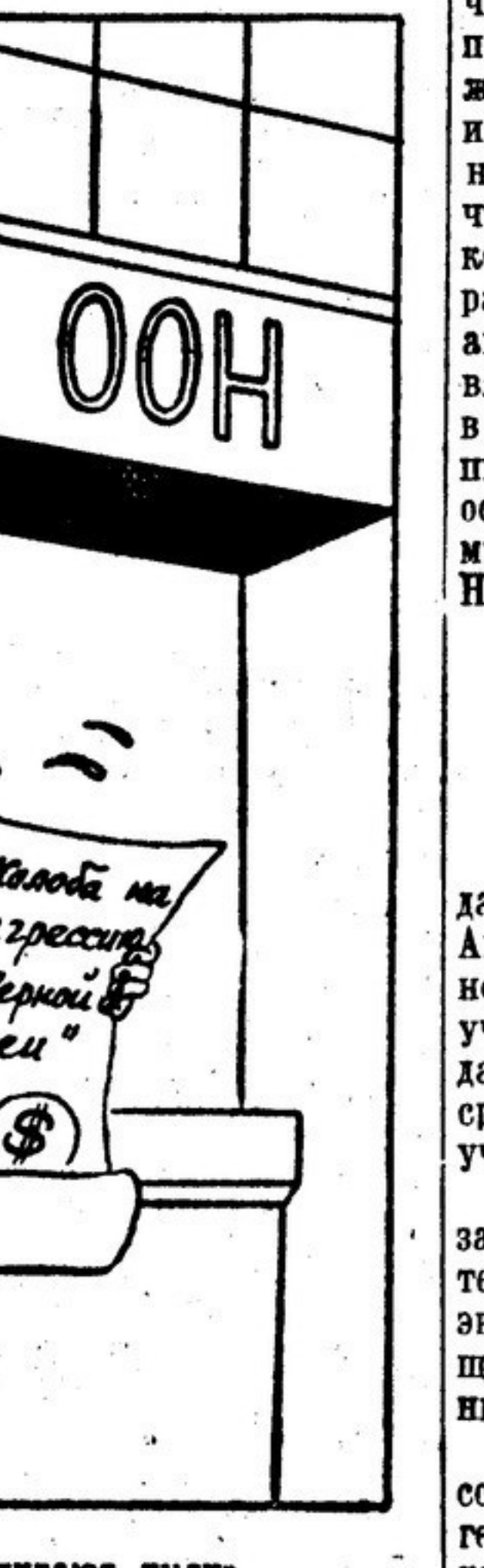
Учитель: Бого ты должен слушать беспрекословно?

Ученик: Вас.

Учитель: А еще кого?

Ученик: Деревенского старосту.

Американский комбинат
Секретариат ООН под нажимом американцев ведет переговоры о возвращении компании «Сперри Жирокс» части помещений ООН, что даст возможность этой компании увеличить военное производство.

Американцы здесь хотят отлить пушки и уже «отливают пушки»

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 68 (2659)

Суббота, 12 августа 1950 г.

Цена 40 коп.

Ответ на ответы

Илья ЭРЕНБУРГ

Весной этого года я обратился с открытым письмом к писателям Запада. Я призвал их бороться против катастрофы, которая грозит культуре всего человечества, против новой войны. Сторонники мира назвали борьбу против войны с самого простого, самого человеческого, самого бесспорного, с того, что могло убедить людей разных стран и разных убеждений: с требования запрета атомного оружия. Я призвал писателей Запада поставить свои подписи под Стокгольмским обращением и этим начать борьбу против войны.

Некоторые писатели Запады согласились со мной и подписали Стокгольмское обращение. Другие предпочли не ответить мне ни согласием, ни отказом. Но писатель — не дипломат: он должен уметь сказать «да» или «нет». Если некоторые писатели Запады до сих пор молчат, то я предпочитаю объяснить их молчание раздумиями. Я продолжаю ждать их ответа.

Некоторые писатели и другие деятели культуры ответили мне отказом. Среди отказавшихся подписать Стокгольмское Воззвание имеются люди разного душевного калитра и мотивов, которые эти люди приводят, весьма различных. Начну с открытого письма, адресованного мне ста девятью норвежцами. Подписавшие письмо числятся писателями или литературоведами. Очевидно, они не очень полагаются на удельный вес каждого имени и хотят произвести впечатление количеством. Однако сто девять писателей не всегда означают больше, чем один писатель: дело в моральном весе дара и совести. Среди ста девяти — два-три писателя более или менее известных читателям. Нужно добавить, что ряд норвежских писателей, как, например, Ханс Хейберг, предпочли поставить свою подпись не под письмом ста девяти, а под Стокгольмским обращением.

Сто девять норвежских литераторов заявляют, что они не подписали и не подпишут Стокгольмское обращение потому, что оно направлено только против атомной бомбы, а не против войны. Норвежские литераторы пишут: «На пяти страницах своего письма Эренбург не нашел места для бы для одного настоящего слова «о мире». Это неправда, и мне не нравится, когда сто девять писателей искажают мысли одного писателя. В моем письме я говорил о том, что мир нужен всем народам и всем людям. В моем письме я предлагал осудить атомную бомбу, как самую страшную, самую бесчеловечную. Осуждая атомную бомбу, я тем самым не становлюсь защитником обыкновенных футасных бомб. Я тем самым не становлюсь защитником минометов или даже простой пули. И говоря и говоря о том, что нужно предотвратить третью мировую войну. Сторонники мира начали с требования запрета атомной бомбы. Разумеется, это только первый шаг. Но вряд ли все сто девять норвежских литераторов сумеют объяснить, как можно пройти путь, не сделав первого шага.

Норвежские литераторы спрашивают меня, почему я не осуждаю многого другого, например, шовинизма, империализма, гонки вооружений и расового угнетения. По некоторым выступлениям ряда литераторов из числа ста девяти я знаю, что они доброжелательно относятся к политике США и одобряют свое правительство, за исключением с Америкой военных союз. Я не написал ничего о шовинизме и об империализме, чтобы не оттолкнуть тех литераторов, которые считают, что мы несправедливо относимся к шовинизмам апологетам «американского образа жизни» и что мы не должны обвинять в империализме людей, захвативших разнообразные земли от Гренландии до Формозы. Я не хотел моим письмом отстранить от защиты мира тех писателей, которые либо вовсе не думают над философией мировой политики, либо, будучи в известной степени отравленными пропагандой империализма и шовинизма, все же отвергают войну, как способ разрешения конфликта между различными мировоззрениями. Сто девять норвежских литераторов со мной терпимости — оскорблением. Они предупреждают меня за то, что я не осуждаю расового гнета. Эти слова подписаны некоторыми литераторами, обозначающими современную Америку. Я мог бы им ответить, что Поль Робсон не случайно подписал Стокгольмское обращение и что не случайно ни Поль Робсон, ни какой-либо другой представитель угнетенной расы не мог поставить свою подпись под аналогичной Атлантического пакта. Сто девять говорят, что напрасно я не осуждаю в моем письме гонки вооружений. Это написано и подписано некоторыми, если не официальными, то официальными норвежцами в то самое время, когда маленькая Норвегия по требованию большой Америки

заявляет, что в гонке вооружений она займет не последнее место. Сто девять слышком много говорят о веревке в доме повешенного; очевидно, несмотря на изрядное количество подписей, они не подыскали ни одного юмориста. Мне не хочется спорить с этими людьми: они делают свое дело. Мы знаем и любим Норвегию за прямоту, за душевную непримиримость людей, и, конечно, обидно, что сто девять норвежских литераторов не обладают этими качествами. Но, скажу откровенно, после того, как я пережил падение Гитлера Гамсуна, писателя куда более значительного, чем все сто девять, взятые вместе, письмо ста девяти меня не удивило и не огорчило.

Скажу так же откровенно, что меня удивил и огорчил ответ Присти. В этом ответе слышком много полемики, не соответствующей серьезности часа, и слышком мало ответственности перед простыми людьми, как Англия, так и всего света. Присти говорит, что не может присоединиться к требованию запрета атомного оружия, потому что советские делегаты уклонились от участия в международных конференциях, посвященных проблемам театра. Это похоже на шутку, но, к сожалению, Присти написал это всерьез. Я уважаю театр, талантливых драматургов и в частности Присти, но я к нему обратился не по театральным делам. Можно ли мирно беседовать о работе драматурга или режиссера, когда на столе вместо чашек с чаем атомная бомба? Присти, конечно, понимает, что вопрос идет не только о запретах того или иного отравляющего вещества, но о защите мира. Я предлагал ему, что я предлагаю всем честным писателям Запады: примкнуть к движению сторонников мира, переменить моральный климат эпохи, заменить бряцанье оружием, локальные войны и так называемую «холодную войну» переговорами, соглашениями, миром. Мне думается, что спор Присти со мной — только отголосок его спора с самим собой. Присти бесспорно переживает драму внутренних сомнений, это не один из ста девяти норвежских литераторов. Он похож в своих противоречиях на многих добродетельных интеллигентов Англии, которые ненавидят войну, но не знают, как ее предотвратить, и, которые, заблудившись среди трех осей разла своего котелька, с фатальным жут страхом развезают.

В Австрии мне ответил открытым письмом не писатель, а ученый — г-н Тирринг. Он написал мне, что не может выступить против атомной бомбы, потому что коммунисты выступают против капитализма и требуют его уничтожения. Г-н Тирринг по специальности не социолог, а физик, и, мне думается, его письмо проиллюстрировано скорее наивностью, нежели злой волей. Разумеется, никогда коммунисты не считали войну подходящим средством для уничтожения капитализма и для перехода к более высокой форме человеческого общества. Нет и не может быть сумасшедшего, который жаждал бы строить социализм на развалах. Таким образом, доводы г-на Тирринга мне представляются ребяческими. Я знаю, что г-н Тирринг состоит в австрийском комитете сторонников мира. Я знаю также, что он поехал в Западный Берлин на конгресс, организованный американскими сторонниками атомной бомбы. Все это мне кажется настолько загадочным, что я готов допустить существование двух господ Тиррингов. Это очень романтично, но, к сожалению, мода, существовавшая полтора столетия назад на двойников, миновала. Наша эпоха требует прямых слов и прямых дел. Среди писателей и среди деятелей культуры Запады есть много людей, переживающих драму г-на Тирринга: они готовы одной рукой проголосовать за мир, а другой — благословить атомную бомбу. Мне хочется им сказать, что это не самый верный способ предотвращения войны и что не этого ждут от них простые люди всего мира.

Я перехожу к последнему ответу — моего друга, французского писателя Андре Шамсона. Он ответил мне в форме беседы, записанной г. Кевалем. Андре Шамсон говорит, что он относится к атомной бомбе, как к раку или к чуме, изобретенным людьми. Он продолжает: «К любому протесту против атомной бомбы и против войны я присоединюсь не подписью, а всей моей жизнью, всем моим существом, всем, что я могу сделать». Эти слова меня порадовали, но меня не порадовало то, что Андре Шамсон все же отвернулся от

Стокгольмского обращения. Я понимаю, что жизнь — это больше, чем подпись, но когда отдаешь жизнь, то не колеблясь, ставишь и подпись. Андре Шамсон пытается объяснить, почему он присоединяется к сторонникам мира своим существом, но не желает вместе с ними бороться против войны. Он говорит: «Я не хочу распылять тот моральный авторитет, который я, может быть, завоевал своей работой». Я ценю книгу Андре Шамсона и знаю, что у него есть моральный авторитет. — Иначе я не обратился бы к нему в моем открытом письме. Но я убежден, что писатель, борясь за дело мира, не распыляет своего авторитета, а подымает его. Томас Манн не стал меньше от того, что он подписал Стокгольмское обращение. Борьба за мир не привлекла ни Набло Перуду, ни других больших поэтов нашего времени. Напротив: молчание, когда вопрос идет о жизни людей, о человеческом достоинстве, о совести, принижает писателя, и я осмелюсь напомнить Андре Шамсону, что великий художник, автор «Войны и мира», назвал одно из своих выступлений, посвященных тому, что асты презрительно называют «политикой»: «Не могу молчать». Можете ли вы молчать, Андре Шамсон, когда на мир нависает страшная война? Думаю, что не можете, и думаю, что вы придете к сторонникам мира — рано или поздно. Надеюсь, что это случится не слышком поздно.

Недавно в Париже был опубликован доклад «Международного комитета по изучению европейской проблемы». По сравнению с этим документом, мне кажется невинными все злодеяния, совершенные фашистами в годы второй мировой войны. Этот документ прославляет массовое истребление человечества. Цитирую: «Атомное оружие а) уравнивает и плутоновые бомбы, в несколько десятков раз более смертоносные, чем бомбы Нагасаки и Хиросимы, б) водородная бомба теоретически в тысячу раз более мощная, чем бомба Хиросимы, в) радиоактивные газы, производимые которыми обходятся недорого, 2) Биологическое оружие для уничтожения человека (бациллы и яды), для уничтожения животных (бациллы и яды), для уничтожения растений (микробы и насекомые). 3. Химическое оружие, предпочтительно удашающие и ядовитые газы. 4) Метеорологическая война, техника которой еще недостаточно разработана». Доклад предлагает начать с того, что скинуть атомную бомбу на Корею. Под этим документом стоят подписи военных и политический деятелей, а также подпись известного французского поэта Поля Клоделя. После опубликования этого чудовищного доклада нет и не может быть ни эдакого писателя, который не понял бы, куда его ведут отлучивание или развооружение. С кем он — со сторонниками мира или с теми, кто предлагает применить все средства уничтожения жизни — от супербомбы до жуточков, от газов до чумных микробов?

Нельзя отказаться осудить атомное оружие потому, что нужно вообще осудить войну. Нельзя отказаться подписать Стокгольмское обращение потому, что нужно не подписывать воззвание, а вообще быть против атомной бомбы. Нельзя отказываться от важного поступка, говоря, что есть нечто еще более важное. Это либо недомыслие, либо лицемерие.

Андре Шамсон говорит, что писатели должны бороться против расщепления мира на две части, против невозможности беседовать, спорить, вместе добавиться правды. Я с ним согласен. Я предлагаю и предлагаю писателям Запады присоединиться к Стокгольмскому обращению и потому, что запрет атомного оружия оградит человечество от ужасных бедствий, и потому, что такой запрет изменит общий климат, позволит людям разговаривать с идейными противниками без взаимного недоверия, облегчит сохранение мира. Я не думаю и не думаю посягать жизнь борьбе против одного, даже самого отрицательного вида оружия, и не это я предлагаю, и не это я предлагаю писателям Запады. Я зову их на борьбу за мир: запретить атомное оружие, остановить войны в Азии, положить конец «холодной войне» и растущим вооружениям, потребовать от всех правительств и от Объединенных Наций переговоров для установления прочного мира. Еще не поздно. Еще можно остановить войну. Оставим в стороне тех, кто связал свою судьбу с чумными блохами или с колорадским жуком. Оставим в стороне злодеев или малодушных. Но все честные писатели Запады должны вместе со сторонниками мира спасти жизнь, культуру, будущее.

Пусть каждый выбирает. Время не ждет!

А. ЧАКОВСКИЙ, И. ВОЛК, специальные корреспонденты «Литературной газеты»

Дни августа в Коре

Непредодолимо зеленые упругие урюжевые стебли танцуют вверх к аржолетному расклеванному солнцу. В августе корейские поля превращаются в бесконечную тропическую оранжерею, прикрывшую низким небом. Резко убавляется день. В девять часов уже темно. Белые авезы закладывают на небе, впрочем, не на небе — над Эвады будто висят совсем над эмаей, а уж дальше — над ними черное небо. Днем, и особенно утром, кажется совсем голубой морская вода, прозрачными река и сопки, окутанные почти невидимым утренним туманом; бесконечные, покрытые лесами сопки точно плывут вдалеке. А к вечеру по-особенному зеленой кажется листва, духота нестерпима, и дышать словно не воздухом, а жарким водяным паром. Жарко и ночью, и только под утро какой-нибудь час или два можно вздохнуть полной грудью.

Август в Коре... В эти дни крестьяне пропалывают рис, кормят шелководных червей. В эти дни собирают яблоки, похожие на груши, и груши, похожие на желтые мячи. В эти дни рабочие по уже установленной в течение последних лет в Северной Коре традиции едут к горячим целебным источникам, спешат к Алмазным горам, куда раньше каждый кореец мечтал попасть хотя бы раз в жизни. Там они откупают, купаются, бродят среди памятных старин, и традиционные пологочные будды с утешительным гаяют на них: никогда еще здесь не было простых людей.

Август — месяц цветов. Обычно их продают везе — астры, хризантемы, горные лилии — их можно было видеть на каждом углу в каждом городе. Люди поздно ложились спать, ожидая, пока спадет жара. В зальтих светом горах над домам подолгу сидели мужчины, засучив по колена тонкие белые брюки. И женщины несли непопорченные, помятые без слов песни Горен, и казалось, что поет весь город...

По сейчас война. Корейский народ в борьбе. По почам Корея погружена в мрак. Только резкий, горный возлас часового «тугу!» нарушает тишину. Ночью Корея не спит, — правда, она теперь почти не слышит песен, их распевают только идущие строем солдаты Народно армии. Корея не спит, — она сражается, она стоит на часах у бесчисленных постов и переправ — корейцы патрулируют свои коммунистические целыми семьями, расположившись на ночь у мостов в соломенных шалашах или просто на дороге.

Никто не пройдет после 10 часов вечера неземеченым ни по одной деревенской улице. Строгий и резкий оклик «тугу!» достигнет его всюду. И не только пешехода. Патруль остановит машину, взбирающуюся на головокружительную высоту сопки, проверит документы у едущих в поезде, — корейцы знают, насколько коварен враг. Оставшиеся в тылу крестьяне попрежнему пропалывают в эти дни рис, по цветам не видно, их некому приносит. Девушка-цветочница давно стала дружинницей ПВО, а лучший цветочный магазин Хенъяна разбит американской бомбой...

Американские воздушные бомбардировщики. О них нельзя говорить, не стиснув зубы. То, что происходит сейчас в Коре, лежит канной печатью на историю США, на лица ее правителей-капиталистов. Если бы кровь корейского народа, проливаемая американцами на этом маленьком полуострове, выступила на стенах Белого дома, — он давно бы утонул в крови. Сейчас, когда одна облака скрывают солны, корейцы не радуются дождю, приносящему урожай. Они знают — скоро начнется бомбежка. Американцы трусливы, как обычно бывает трусливые вышедшие на разбой убийцы. Они боятся летать в ясный день. Пресловутые «Болинги» и «Мустанги» панически боятся корейских зениток и предпочитают бросать бомбы назаволоком, не видя цели. Сотни разрушенных домов Хенъяна, стертый с лица земли рабочий городок Сынат, семь тысяч убитых жителей Сеула, разбитый Вонсан, — чем думают оплатить американцы этот кровавый счет?

ПХЕНЬЯН, 10 августа. (По телеграфу)

Александр ЧАКОВСКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Подробности кровавых событий в Сувоне

Только теперь, в результате проведенного расследования, стали известны подробности кровавых событий в Сувоне. Остатки Сувона, так же как и названия ряда других городов Коре, станут символом проклятия, которое шлет корейский народ американским интервентам.

Перед тем как оставить город, лысыя новды и американцы начали массовое истребление корейских патриотов. Из списка жителей города они выбрали всех, кто казался им подозрительным. Арестованных заставляли колоть себе могилы. Перед средней школой жертвы американского террора сами вырыли себе огромную коллективную могилу. Пока из множества убитых удалось установить лишь имена 30 студентов.

Массовое истребление людей продолжалось шесть дней. Сначала арестованных для формы приводили в полицейские участки. Потом их стали просто сгонять в горы и там пытать и расстреливать. Большая группа корейцев была приведена на морской берег Инчона и там расстреляна. Гора Квасан стала теперь памятником жертвам американского фашизма. В большой яме под этой горой закопаны истребленные тела патриотов, убитых американцами. Их общее число превосходит несколько сот человек.

Народ Корея ненавидит американско-лисымановских фашистов. Им не уйти от суда. Те, кто расстреливал невинных людей в Сувоне, так же прокляты народом, как их гитлеровские учителя, раздувавшие печь Майланака.

ПХЕНЬЯН, 11 августа. (По телеграфу)

Средние заочные школы

Китобойное судно «Слава» промышляло далеко от родной земли в холодных водах Антарктики. В ленинском уголке в свободное от вахты время можно было увидеть за учебниками матроса первого класса Леонида Радкевича. Он — учащийся заочной средней школы — нового на Украине типа учебного заведения.

В Одессе перед рейсом Радкевич получил задание, учебные программы, учебники и тетради. Вернувшись из плавания, он сдал экзамены за шестой класс. Перед следующим рейсом Радкевич снова получил задания и учебные пособия.

В то время как сменявшийся с вахты советский матрос решал в Антарктике алгебраические задачи, за несколько тысяч километров от него, в Донбассе, сидел за

учебниками электры Мушкевского депо Е. Трошин; колхозница Поморнянского района Львовской области И. Стефанюкница писала сочинение о творческом пути Вяллы Маяковского; оператор бляминга Николай Тюнов в Жданове изучал по карте третий поход Антанты.

Средние заочные школы открылись в прошлом году в Киеве, Харькове, Одессе, Днепротроцке, Львове, Николаеве, Сталино, Жданове и Измаиле. Учатся в них люди, которые по условиям работы не могут систематически посещать вечерние школы: железнодорожники, матросы кораблей дальнего плавания, рабочие и служащие, занятые то в одной, то в другой

ближайших средних школах организованы консультационные пункты. Поэтому в заочные средние школы поступают жители самых различных областей республик. Так, среди учащихся Киевской заочной средней школы можно встретить колхозника из Каменно-Подольской области, рабочего из Житомира, милиционера из Винницы.

В нынешнем году несколько тысяч человек сламо первые переводные и выпускные экзамены. 540 заочников получили аттестаты зрелости.

В новом учебном году намечено расширить сеть заочных средних школ, значительно увеличить количество учащихся. И. БОГОРАД

КИЕВ

СПУСТЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

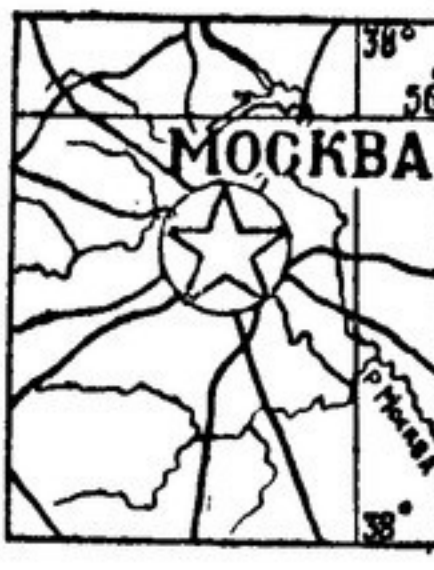
РЕПОРТАЖ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» К 20-ЛЕТИЮ ВВЕДЕНИЯ В НАШЕЙ СТРАНЕ ВСЕОБЩЕГО ОБЯЗАТЕЛЬНОГО НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Николай АСАНОВ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

Там, где бастовали отцы...

(К 50-летию забастовки рабочих Главных тифлиских железнодорожных мастерских)

МОСКОВСКИЙ ДОМ

Небольшой дом, двадцать девять жильцов, и вдруг на вопрос: «Есть ли среди вас грамотные?» получаем ответ: — Да, есть. Я неграмотная.

Мы разговариваем с дворником дома — шестидесятидвухлетней Саврижан Юсиповной Субаудиной.

— Мои дети все грамотные, — говорит она. — Я тоже училась. Но я старая женщина, мне трудно учиться. Походите в другой дом. Вот рядом. Там много квартир, триста жильцов. Все старики умеют писать. Все старики читают газеты.

Объясняем, как мы выбрали дом № 31 по улице Качалова. Мы долго думали: куда пойти? В Москве несколько десятков тысяч домов. Мы шли вперёд по Садовому кольцу, каждый из нас предлагал свое. Наконец, мы приняли такое решение: свернем сейчас за угол и войдем в первый же небольшой дом.

Саврижан Юсиповна продолжает рассказывать:

— Мой сын грузчик. Он окончил семь классов. Советская власть хорошо учила всех моих детей. Моя старшая дочь, ткачиха, прошла девять классов. И другая моя дочь ученица — хорошо читает, берет книги из библиотеки. Она умеет читать по-русски и по-татарски. И второй сын хорошо грамотный. Одна я отстала. Спросите, пожалуйста, жильцов: кто-нибудь знает еще неграмотного человека?

Мы следуем совету Саврижан Юсиповны — спрашиваем всех жильцов, которых застаем дома. Татьяна Федоровна Писнова. Ей 49 лет. Она врач. Ее отец рабочий. Ее сыну Виктору 19 лет, он окончил авиамоторный техникум. Сейчас сдает экзамены в Московское высшее техническое училище им. Баумана. С Татьяной Федоровной живет ее племянница. Она буфетчица в столовой. Среднего образования еще не получила, именно — еще. Она сейчас

учится в вечерней школе рабочей молодежи.

Лидия Митрофановна Цинская торопится на работу в Министерство связи СССР, но две минуты готова нам уделить.

— Ах, вот оно что! Вы из газеты, в связи с двадцатилетием закона о всеобщем обязательном обучении? Жаль, что мало времени. Об этом стоило бы поговорить подробнее. Но вот, давайте выводить сами. Мой отец крестьянин. Он с трудом самоучкой постиг грамоту. Впрочем, ему помогли. В селе была организована еще в первые годы советской власти школа взрослых. Он окончил ее. Он и сейчас в деревне, работает в колхозе столярком. Вы запишите — он много читает, очень любит книги. Мать тоже жила. Да, она грамотная, а как же иначе! Она окончила лицей и, кроме того, школу взрослых. Вы там где-нибудь почитайте, что если бы не советская власть, то всего этого наверное бы не получилось. Мой муж инженер, а его отец был крестьянином, бедным крестьянином. У меня среднее техническое образование. Простите, ухожу, время...

Ну, что ж, переходим в другую квартиру. Нас встречает Галина Михайловна Дебедва, молодая женщина, мать двух близнецов.

— Мы забываем, очень легко забываем даже совсем недавнее прошлое, — говорит она. — За двадцать лет странно много времени. Что касается нашей семьи, то мы интеллигенты. Наши родители тоже интеллигенты. Мой муж — сын актера. Я — дочь железнодорожного служащего. Наши родители могли бы, вероятно, и в царское время дать нам образование. А в царское время давали образование. Все, поговорим все эти, должны учиться. У нас домашняя работница... Между прочим — обратите внимание — больше года ни одна из этой должности работать не хочет, одна на завод, получают специальность. Наши работница Саша Боронина имеет пятилетнее образование. Конечно, она тоже пойдет на завод и получит специальность, образование. Наверное получит. Девушка положительная. Очень уверенно смотрит в будущее. Помните выражение — «сухарик»

ны? Да, когда они у Саши будут, — наверное будут, — мы еще позволим, такое получат они образование.

Спустились этажом ниже и встретились с Марией Арсеньевной Егоровой. И опять вернулись к разговору о «сухаркиных детях». Царво же, мы ничего не выдумали, так получилось. Мария Арсеньевна — женщина пятидесяти лет. У нее тридцать девять лет рабочего стажа. Семь лет в деревне она уже нянчилась чужих ребят. Потом поехала в Петербург к маме, она жила кухаркой.

— Десяти лет я поступила в переделку мастерскую, — рассказывает она. — Безграмотными были почти все наши рабочие. Переделывали книги, не умея прочитать даже заголовки. И бегала через весь город в воскресную школу. Нет, школу я не окончила. Шестнадцати лет вышла замуж... Ах, да, мы ушли в сторону, говорили с вами о радостном дне, а я погугляла в тяжкие воспоминания... Потом я жила хорошо. Знаете, даю вам честное слово, что самым большим счастьем я считаю то, что смогла дать образование своим трем сыновьям. Одна бы я, конечно, не справилась. Мы все, государство, партия, дали образование нашим детям. Мои ребята — «сухаркины внуки». Старший мой сын Сергей Сергеевич — подполковник. Мой второй сын, Владимир, капитан, разведчик, любил учиться, очень любил.

Мария Арсеньевна вытерла глаза тыльной стороной руки.

— А ваш третий сын, расскажите о нем.

— Юра? Он сейчас в Берлине, в воиновской части, офицером.

...Заключим этот репортаж статистикой. В доме двадцать девять взрослых жителей. С высшим образованием — семь, со средним — четырнадцать, учащихся в средней школе — двое, начальное образование имеют пять человек. Неграмотная — одна.

Е. БОСНЯКОВ, В. РЕУТ, А. СИНЕЛЬНИКОВ

МОСКВА

Владимирская деревня

Километрах в десяти на север от города Владимира стоит деревня Сновицы, а в ней находится колхоз «Знамя Октября». Обыкновенная русская деревня, обыкновенный колхоз. На полях его растут рожь, и овсы густые и серебристые, как в сказке. Рожь здесь жнут по-старинке — серпами. Не по доброй воле — местность сильно холмистая. Зато уже очень хороши и по всей округе славны колхозные мастера. В артели на 180 дворов 56 орденосцев, не считая тех, кто получил награды на войне. А колхозница Прасковья Ивановна Воронцова — Герой Социалистического Труда.

В этой самой деревне, взятой нами наугад, ознакомились мы с образовательным центром колхозников. Деревня в дни уборки почти пуста. Мы сидим у школы побеседовать с учительницей Ольгой Алексеевой, к нам подходит возвращающаяся с полевых работ колхозница.

Узнав о цели нашего приезда, люди начинают вспоминать, когда здесь перестали существовать кружки по ликвидации неграмотности. Выходит так, что ликвидация пришла по необходимости конец еще лет пятнадцать назад. В семье единственной в деревне малограмотной, Вехиной Веры Александровны, четверо детей. Все они родились и учились здесь, в Сновицах. Михаил Иванович — инженер, работает в Москве. Николай Иванович — механик, работает в МТС. Клавдия Ивановна — детский врач во Владимире. Мария Ивановна — учительница...

Подобных семей в Сновицах десятки. Вот состав семьи Тихомировых. Отец Александр Иванович — колхозник, сын Николай окончил десятилетку. Дочь Людмила — техник, сын Аркадий окончил семилетку и сейчас в армии. Константин окончил семилетку и учится в художественном училище. Борис после семилетки пошел в ремесленное училище. Елена перешла в седьмой класс. Валентина — в третий...

Семья Тюлюниных. Рядовой колхозник Иван Зиновьевич — уважаемый человек в деревне. Сыновья его Геннадий и Анатолий оба окончили семилетку и оба на Дальнем Востоке в армии. Дочь Клавдия — фельдшер, Костя вернулся из армии и работает здесь. Зина пошла по сестриной части.

Семья за семей знакомыми мы с жителями деревни. У Митрофановых оба сына учились в военной академии. У героини Прасковьи Ивановны дочь — фармацевт. У Сытинских сыновья — офицеры. Ольга Селова, Олимпиада Беседина — учительницы. Зоя Кочеткова, Ира Окулова — агрономы. Председатель колхоза Лина Анисимовна Кушнарева — тоже агроном. Один тракторист в деревне подготовлено 25 человек.

— У нас в колхозе не смотрите, что кобылка нет, — говорит наша собеседница, — зато мы молодым электричеством, коров дом электричеством, овцы стрижем электричеством, лес пилим электричеством. Вокруг электричества народ растет. В Сновицах, где до революции было три малограмотных грамотных человека, — сейчас библиотека, школа, клуб. Колхозный почтальон Анна Серова ежедневно приносит в каждый дом районную или областную газету. А из Москвы приходит еще 50 различных газет и 30 журналов.

И это в той самой Владимирской области, где еще в 1913 г. школьные расходы на «душу населения» составляли 1 руб. 38 коп., где насчитывалось 85 процентов неграмотных жителей и 50 процентов неграмотных мужчин, считая вместе с населением городов. О ранних временах здесь сохранились в легендах трагическая история владимирского крестьянина-живописца, который свои картины подписывал тремя крестами, потому что так и не смог научиться грамоте.

...Поздно вечером мы возвращаемся в деревню, унося с собой глубокое впечатление от этой простой, но взволнованной нас беседы. Можно ли переоценить значение культурного переворота, происшедшего в русской деревне? С чем сравнить этот рост человеческого знания, который повсеместно на нашей советской земле?

В. ЕМЕЛЬЯНОВ, П. МАКРУШЕНКО

Дер. СНОВИЦЫ, Владимирской области

ЛИНЕЙНАЯ СТАНЦИЯ 4-го КЛАССА

Лемнка, линейная станция четвертого класса, на границе двух областей — Новгородской и Псковской. Небольшой коллектив железнодорожников: начальник, обязанный отдежурить, как и его помощники, восемь часов в день; три помощника, из которых один запасной, — полмесяца он работает на другой станции; восемь стрелочников. Всего по штату двадцать человек. Нет ни классического телеграфиста, столько раз описанного в литературе, ни кассира. Дежурный помощник принимает поезда, продает билеты, получает и отправляет багаж.

...Я сижу за накрытым столом в семье начальника станции и веду разговор о редакционном задании: Валентин Петрович Петров, кроме того, и секретарь территориальной партийной организации.

— Что вы говорите, откуда в наше время неграмотные?! — восклицает он. — У нас старики и старики читают газеты. Огромная у людей тяга к культуре. Конечно, вы не найдете у нас того, что на больших станциях. Наша станция — четвертого класса, вагон-клуб приходит в три месяца раз. По народ стремится вперед, да! Вот мы сейчас зайдем к Федорову. Профтор наш, стрелочник Федоров, он занимается библиотекой. У него есть тетрадь — полный учет читателей.

Стрелочник Федоров — молодой, с приятным лицом, в хорошо пригнанной форме.

— Покажи свою тетрадку, Василий Яковлевич, — говорит Петров.

— Исписана была она вся, я и выкинул... Да и так можно вспомнить.

— Нет, с потолка нам не надо. Нам нужна точность, — говорю я.

И тогда возникает мысль: все равно, ведь надо поговорить с людьми. Если обойти всех, побеседовать, будет полная статистика. Я набрасываю в блокноте при-

мерную схему вопросов: какое образование, какую газету выписываете, какие книги читали в последнее время...

Первый, с кого я начинаю, сам Федоров. Достаточно ознакомиться со «статистическим листком» рядового стрелочника линейной станции четвертого класса, чтобы получить яркое представление о культурном облике этого маленького коллектива железнодорожников.

Федоров в 1928 году окончил шесть классов средней школы, а спустя два года — школу ФЗУ. Теперь, работая на транспорте, он регулярно посещает те средние технические занятия.

Вокруг стола постепенно собирается вся семья. Приезжавшая жена хозяйка и ее отец семидесяти с лишним лет, на полковник, к которому тянутся со двора пышные георгины, гвоздика и махровые маки, взбирается одиннадцатилетний Олег; рядом встает приехавший в гости из Ленинграда брат хозяйки — рослый молодой человек, служащий одного из учреждений.

Василий Яковлевич рассказывает: — Сам я выписываю «Ленинградскую правду», «Ленинградский железнодорожник», а также «Блаженот агитатора». Читает очень люблю. За последнее время прочел «Избранное» Толстого, «Белую Зернь» Бубеннова, «Кружничку» Пановой, «Белую зеленую» Улиты, «Дорогу свободы» Фаста. Из кинокартин в последнее время видел «Молодую гвардию», «Артику» — в кино нам за два километра ходит, в МТС. Туа больше молодежь идет, — и он клевает на сына.

Олег весной перешел в пятый класс. Он учится в сельской школе, в двух километрах от станции. Два года назад в школе было только четыре класса, потом организовали семилетку. Окончившие переходят в полную среднюю школу, на станцию Дно. Там существует интернат для детей железнодорожников. Ученики уезжают по дому в понедельник и возвращаются в субботу.

— Леший в этом году у нас четыре было, — говорит Василий Яковлевич, — на лепях всей семьей ходим, даже папаша. Он тоже у нас всем интересуется. Все обратываются к старухе.

— Верно, охотник я послушать, да и почитать, — говорит он, — только зрение слабое...

— Что же вы, Василий Михайлович, от людей отстаете, — шутит Петров. — Вы посмотрите на Раису Степановну Рыбыш, мамашу помощника начальника станции. Вам семидесят один только, ей семьдесят восемь. А она до сих пор без очков читает газеты.

Доходит очередь до хозяйки, Евгении Васильевны.

— «Новость о настоящем человеке» зимой прочла, да еще с Олегом «Два капитана», «Павлик Морозов». Мы с ним вместе, вывешивали, когда читали «Молодую гвардию».

Потом выясняется, что ей знакомы и другие писатели, другие книги. За столом в домике стрелочника Федорова начинается разговор о Льве Толстом, о Пушкине, о Шолохове.

Так из дома в дом я обошел десять семей (одного стрелочника откомандировали временно в кондукторский резерв, другой находился на соседней станции), разговаривая с женами и детьми, со стариками. Это были различные люди, неодинакового кругозора, разных жизненных интересов. По вот статистика из моего блокнота:

В поселке живет 23 взрослых — железнодорожники и члены их семейств. Они выписывают 31 газету.

Из 23 человек произведения Пушкина читали 20, Льва Толстого — 14, Гоголя — 11, Максима Горького — 17, «Тихий Дон» — 12, «Как закалялась сталь» — 12, «Молодую гвардию» — 11.

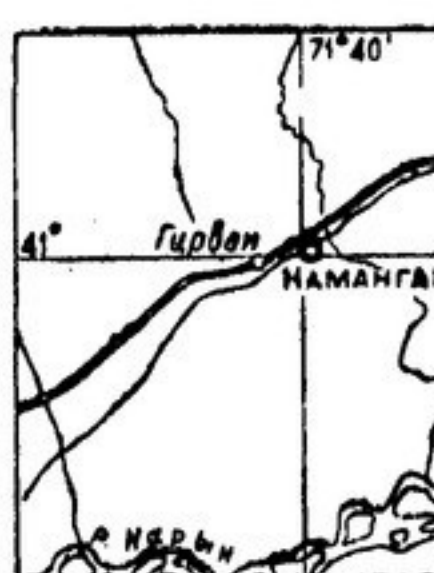
Много записей сделал я в этот день, заполняя в своем блокноте графу за графой. «Лекции»: нет ни одного взрослого, живущего на этой станции, кто не прослушал бы хоть нескольких лекций. «Библиотека»: ею пользуются все без исключения семьи. «Общественная работа»: в ней участвуют также все, даже матери, занятые семейными хлопотами.

И только одна графа — «Неграмотные» — оказалась лишней в моем блокноте.

М. МИХАЛЕВ

ст. ЛЕМНКА, Ленинградская железная дорога

КИШЛАК ГИРВАН

Шумят сады над кашлаком Гирван, шумят мутноватые воды арывков, широко вокруг ложатся золотом богатые хлопковые поля. Поленды. По улице, водными клубы дробла рассказывают жильцы, проезжают грузовые машины. Следом, из пыльного облака, возникает арба, медленно проворачивая огромные колеса. У здания почты арба останавливается. Старик-возчик подходит к телеграфисту, и тот вручает ему денюгу. Старик возвращается ее обратно. У старика с телеграфистом начинается обстоятельный разговор по-узбекски. Наконец, они раскланиваются. Арба двгается в путь. На лице водителя выражение счастливой гордости. А на почте телеграфист отстуживает уже ответ на только что полученную стариком денюгу на Москву, от внука: «Поздравляю поступлением в университет».

Я заглядываю в текст ответной денюги — она написана рукой телеграфиста. Семидесятилетний Нугманбай Шарыбаев неграмотен.

В моем блокноте записан его рассказ. По узкой тропинке из кишлака Гирван шла тропа юной в новых подосадах халатах. У каждого из них было четыре таньги, увязанных в платок, — драгоцен-

ные деньги на карандаши и бумагу. Тот, кто достарше, нес в руках еще большую драгоценность — книгу стихов великого поэта Навои. «Жизнь — это тьма, если нет в ней света науки», — так было написано в книге.

Юноши шли учиться в Наманган, в начальную узбекскую школу, чтобы самим прочитать эти строки. В Намангане им сказали: «Нет!» По древнему караванному пути, через бескрайнюю выжженную голые степи, они пришли в Фергану. «Нет!» — сказали им в Ташкенте они требовали, умоляли. Но прошение ушло последние таньги. Через два месяца юности вернулись домой — с потерянной надеждой прочесть строфы Навои. Это было 50 лет назад.

— Так и остался я неграмотным, — сказал Нугманбай Шарыбаев, которого я попросила к концу дня зайти в школу. К тому времени были заполнены в мой записной книжке листки, отведенные каждой семье Гирвана. Передо мной лежали длинные списки лиц, имеющих начальное, среднее и высшее образование, процент технических грамотных людей, списки посещавших агрономические семинары и лекции, политические лекции, перечень десятилетия когда-то городских профессоров, появившихся в узбекском кишлаке, — статистика, заслуживающая, чтобы ее воспесть. И скучная заключительная запись на последнем листке — неграмотный лишь 0,4 процента взрослого населения!

Итак, мы в одной из четырех школ Гирвана. Возле старого Нугманбая кружок размялись сознанные мною студенты. Они спешали на лето в родной кишлак из Ташкента, Ферганы, Самарканда и других городов. Собирались будущие юристы, геологи, инженеры, строители, агрономы, литераторы, художники, музыканты.

— Вся жизнь наша шла по узкой тропинке, — говорил им Нугманбай, — узкой, как тогдашняя тропинка к кишлаку. Мы называли ее дорогой горя, потому что по ней мы уходили батрачить и несли мертвых на кладбище.

— А молодежь говорила о новой дороге — широкой и счастливой дороге их жизни. В беседе принимал участие директор школы, заслуженный учитель республики Сидыков Бокджан. Он прочел письмо, полученное им от своего бывшего ученика, ныне геолога Халифа Усмонова: «Я закончил работу над своей докторской диссертацией», — писал Усмонов. — Вы можете поправить меня. Сообщаю новости — ваш ученик Абдугани Фаратов и Саракон Ходжаева приняты в аспирантуру».

Вечером в просторном школьном саду собралась те, кто учился здесь год, пять или десять лет назад. На собрании не было ни докладов, ни торжественных речей. По аллеям сада, освещенным электрическими огнями, проходили земляки, люди одного кишлака. Меня знакомили с ними.

Магира Исмаилов, кандидат медицинских наук. Историк и географ Низами Имам окончили Среднеазиатский государственный университет в Ташкенте. Студент третьего курса географического факультета Бакирского педагогического института Кабир Али Абдурахимов. Агроном Раймекка Мунинов. Студенты третьего курса Наманганского сельскохозяйственного техникума Исхаев и Бурханова. Еще четыре студента — Ташкентского юридического института...

Старый Нугманбай пришел на этот вечер со своими сыновьями — инженером Якубом и преподавателем Наманганского учительского института Турусуню. Как самый старший, он нес с собой большую драгоценность — ожезательство от времени книгу стихов великого поэта Навои.

— На, прочитай, — протянул он ее Магире Исмаиловой.

И в наступившей тишине зазвучали знакомые строки: «Жизнь — это тьма, если нет в ней света науки».

Юркий свет из распахнутых окон школы падал на открытые составляющие лица людей. Доктор Магира Исмаилов, директор школы Сидыков и оба сына Нугманбая стояли в одной группе. Нугманбай кланялся на них и сказал мне: — А знаешь ли, сестра, что доктор Исмаилов и директор Сидыков — дети моих друзей, но тех самых, что ходили вместе со мной полюдства назад за наукой?

М. ФОФАНОВА

КИШЛАК ГИРВАН, Наманганской области, Узбекской ССР

Письмо в редакцию

В дождливое польское утро москвичи, проехавшие мимо дома № 2/4 по площади Свердлова, обнаружат, что за ночь исчез известный всей Москве антикварно-букинистический магазин № 45. В опустевшей витрине красовался плакат: «Управление пассажирского автопарка Мосгорпрома. Городская автомобильная станция».

Киноторг решил бороться за помещение. Тогда товарищи на Мосгорпрома посетовали Управлению автомобильного транспорта конфликта не углублять, а предоставить книжному магазину один из прилавков.

Так по сей день и торгуют: левый прилавок — билетами на автобусы, правый прилавок — книгами. Но книг за этим прилавком немногим больше, чем в газетном киоске.

А вокруг — взвешивают чемоданы, работники милиции регулируют поток пассажиров, выказывая по списку фамилии, зноят телефоны... Каждый день автомобильная станция отправляет много пассажиров. Дело хорошее! Но тысячи покупателей книг справедливо считают, что по вине Мосгорпрома нанесен серьезный урон другому большому делу.

Мосгорпромом должен отменить свое неправильное постановление. Это, кстати, не

трудно, так как в том же здании гостиницы «Метрополь» за углом есть более просторное помещение, чем книжный магазин. В соседстве с первоклассным рестораном, с первоклассным кафе разместятся буфет. Мы не против буфета. Но мы хотим знать, почему, когда изыскивается хорошее помещение, страдал торговля книгами.

Года полтора назад в проезде Художественного театра чрезвычайными усилиями удалось отстоять помещение книжного магазина № 14: Мосгорпромом хотел посягнуть на букиношоп. Два книжных магазина на Кузнецком мосту с 1946 года заняты архитектурным управлением Мосгостата. Приемный пункт красильной фабрики имени Войкова обосновался на Зубовской площади... в помещении книжного магазина. В книжном магазине, что у Киевского вокзала, на Большой Дорогомиловской, № 15, помещались 3-е отделение Управления троллейбусного транспорта, на улице Чевышевского, 48, — ателье по пошивке верхней одежды. И это — не все!

С этим явлением пора покончить! Ираклий АНДРОНИКОВ, заместитель председателя комиссии Союза советских писателей СССР по бумажной промышленности, полиграфии и книжной торговле

Памяти Николая Масковского

Четыре десятилетия обогащали нашу музыкальную культуру большой талант Николай Яковлевич Масковский. Родившись в начале восьмидесяти годов, в тридцатидесяти годах консерватории, он создал как художник на рубеже двух эпох. Прозное и оживительное дыхание нарастающих революционных событий, великая социалистическая революция, героический труд строителей социализма — вот что формировало мировоззрение композитора и находило выражение в его творчестве.

Великий знаток всех сокровищ русской музыки, он воплощал в лучших из 27 своих симфоний, в кантатах, в песнях, в камерных произведениях высокие гражданские и поэтические чувства и мысли верного сына Родины.

Николай Яковлевич был художником, в котором счастливо сочеталась большая талант, ясный ум, необыкновенная скромность и трудолюбивость. Наблюдая его жизнь изо дня в день, из года в год на протяжении двух с половиной десятилетий, я часто поражался, как он успевал сочетать свою огромную творческую работу с широкой общественной и педагогической деятельностью. Человек, обладающий богатейшей творческой и педагогической деятельностью, общение с ним доставляло и ученикам его и всем товари-

щам огромное наслаждение, обогащало их и будило творческую мысль.

Мне кажутся главными чертами в искусстве Масковского проникновенный лиризм и философские раздумья. Именно так проявлялись индивидуальность художника и в его крупных симфонических подвигах и в камерных миниатюрах.

Сорок лет назад, когда реакционные буржуазные критики и эстетствующие музыканты модернистского толка попытались опорочить гениальное наследие Чайковского, совсем еще молодой Масковский, ученик Римского-Корсакова и Лядова, ученик встал на защиту творческих принципов великого русского симфониста. Развивая эти принципы в своих произведениях, Масковский проткнул в них, связующие русскую классику с советским музыкальным творчеством.

Глубоко национальный русский композитор, Масковский обогатил советскую музыку замечательными произведениями, многие из которых войдут в сокровищницу русской музыкальной культуры.

Николай Яковлевич прожил большую жизнь в искусстве и как мастер-композитор, и как педагог — воспитатель юных музыкантов, — а это завидный удел каждого подлинно советского художника.

Ю. ШАПОРИН

Человек и его судьба

А. МАРЬЯМОВ

Жизнь человека — это борьба за выживание... Судьба человека — это борьба за выживание...

2.

Что же случилось в Крутогорах... Судьба человека — это борьба за выживание...

Даже самые хорошие из этих людей... Судьба человека — это борьба за выживание...

Да, и об этом может быть написана книга... Судьба человека — это борьба за выживание...

А то вот: жила еще один человек... Судьба человека — это борьба за выживание...

Все эти личные судьбы и еще несколько других... Судьба человека — это борьба за выживание...

«Из всей Илалы и Олпсен он признавал себе только рассказы пребывания Улеса на острове Балпысы... Судьба человека — это борьба за выживание...

Мы знаем много книг, где в центре внимания — обособленная человеческая судьба... Судьба человека — это борьба за выживание...

раскрываются глубокие перемены и крутые повороты в душе и в судьбе Василия... Судьба человека — это борьба за выживание...

Наибольшее место в романе отведено Василию Борнникову... Судьба человека — это борьба за выживание...

Сюжет книги несложен... Судьба человека — это борьба за выживание...

Галина Николаева умеет не только рисовать своего героя... Судьба человека — это борьба за выживание...

О линии, которая кажется в известной мере надуваемой и заставляющей спорить... Судьба человека — это борьба за выживание...

И, кстати сказать, изображение милой доброты немаловажно влетает за собой и фальшивую авторскую интонацию... Судьба человека — это борьба за выживание...

И есть еще одно замечание, относящееся не только к «Жатве»... Судьба человека — это борьба за выживание...

Краткая формула, очерчивающая рамки действия «Жатвы»... Судьба человека — это борьба за выживание...

А люди, изменяясь, в свою очередь выносят новое в жизнь... Судьба человека — это борьба за выживание...

В романе Николаевой есть очень хорошие место: секретарь райкома учит хозяинок составлять план развития своего хозяйства... Судьба человека — это борьба за выживание...

Маленькие мстители

Лев КАССИЛЬ

Летиза выпустила недавно книгу армянского писателя Ованеса Гукасяна «Маленькие мстители»... Судьба человека — это борьба за выживание...

Содержание книги составляет рассказ маленького мальчика Гасана о его жизни... Судьба человека — это борьба за выживание...

Сюжет книги несложен... Судьба человека — это борьба за выживание...

Галина Николаева умеет не только рисовать своего героя... Судьба человека — это борьба за выживание...

О линии, которая кажется в известной мере надуваемой и заставляющей спорить... Судьба человека — это борьба за выживание...

И, кстати сказать, изображение милой доброты немаловажно влетает за собой и фальшивую авторскую интонацию... Судьба человека — это борьба за выживание...

И есть еще одно замечание, относящееся не только к «Жатве»... Судьба человека — это борьба за выживание...

Краткая формула, очерчивающая рамки действия «Жатвы»... Судьба человека — это борьба за выживание...

А люди, изменяясь, в свою очередь выносят новое в жизнь... Судьба человека — это борьба за выживание...

В романе Николаевой есть очень хорошие место: секретарь райкома учит хозяинок составлять план развития своего хозяйства... Судьба человека — это борьба за выживание...

Гасан растет сиротой... Судьба человека — это борьба за выживание...

«Пусть ваша фирма даст больше, а и фабрику и этих чужаков — все, все отдай нам... Судьба человека — это борьба за выживание...

Галина Николаева умеет не только рисовать своего героя... Судьба человека — это борьба за выживание...

О линии, которая кажется в известной мере надуваемой и заставляющей спорить... Судьба человека — это борьба за выживание...

И, кстати сказать, изображение милой доброты немаловажно влетает за собой и фальшивую авторскую интонацию... Судьба человека — это борьба за выживание...

И есть еще одно замечание, относящееся не только к «Жатве»... Судьба человека — это борьба за выживание...

Краткая формула, очерчивающая рамки действия «Жатвы»... Судьба человека — это борьба за выживание...

А люди, изменяясь, в свою очередь выносят новое в жизнь... Судьба человека — это борьба за выживание...

В романе Николаевой есть очень хорошие место: секретарь райкома учит хозяинок составлять план развития своего хозяйства... Судьба человека — это борьба за выживание...

А люди, изменяясь, в свою очередь выносят новое в жизнь... Судьба человека — это борьба за выживание...

После долгого заточения, мук и лишения... Судьба человека — это борьба за выживание...

После завершения полного истинного драматического события... Судьба человека — это борьба за выживание...

Хотелось сделать одно замечание: известно, что книга для детей во многом выигрывает... Судьба человека — это борьба за выживание...

Правдивая, интересная и полезная не только для юных читателей книга Ованеса Гукасяна... Судьба человека — это борьба за выживание...

Самым неудачным образом произведение является образ склочника и шкурника Воловика... Судьба человека — это борьба за выживание...

В повести есть конфликт, связанный с основной сюжетной линией... Судьба человека — это борьба за выживание...

Истителью порою изменяет чувство меры... Судьба человека — это борьба за выживание...

Повесть «Первая очередь» — первая книга Н. Антонова... Судьба человека — это борьба за выживание...

Потребовалось издать в обширном, но не может полностью удовлетворить запросы читателей... Судьба человека — это борьба за выживание...

Издательство недостаточно борется за высокое полиграфическое качество своих книг... Судьба человека — это борьба за выживание...

ПЕРВАЯ КНИГА

Д. БРЕГОВА

В город, освобожденный от немцев, вернулся директор хлебозавода Лобанов... Судьба человека — это борьба за выживание...

До войны здесь возвышалась серокаменная пауза... Судьба человека — это борьба за выживание...

Ностенно из хаоса тигристых мыслей отрисовывалась одна, главная: освобожденному городу нужен хлеб... Судьба человека — это борьба за выживание...

Об этих десяти днях упорной и страстной борьбы коллектива советских людей рассказывает повесть... Судьба человека — это борьба за выживание...

Образ директора завода Лобанова занимает центральное место в повести... Судьба человека — это борьба за выживание...

Страницы повести, посвященные производственной деятельности людей... Судьба человека — это борьба за выживание...

История человека — это история борьбы за выживание... Судьба человека — это борьба за выживание...

«Мы вроде тоже перед наступлением»... Судьба человека — это борьба за выживание...

Писатель показывает Лобанова в действии, в борьбе... Судьба человека — это борьба за выживание...

Об этих десяти днях упорной и страстной борьбы коллектива советских людей рассказывает повесть... Судьба человека — это борьба за выживание...

Образ директора завода Лобанова занимает центральное место в повести... Судьба человека — это борьба за выживание...

Страницы повести, посвященные производственной деятельности людей... Судьба человека — это борьба за выживание...

История человека — это история борьбы за выживание... Судьба человека — это борьба за выживание...

История человека — это история борьбы за выживание... Судьба человека — это борьба за выживание...

«Мы вроде тоже перед наступлением»... Судьба человека — это борьба за выживание...

Писатель показывает Лобанова в действии, в борьбе... Судьба человека — это борьба за выживание...

Об этих десяти днях упорной и страстной борьбы коллектива советских людей рассказывает повесть... Судьба человека — это борьба за выживание...

Образ директора завода Лобанова занимает центральное место в повести... Судьба человека — это борьба за выживание...

Страницы повести, посвященные производственной деятельности людей... Судьба человека — это борьба за выживание...

История человека — это история борьбы за выживание... Судьба человека — это борьба за выживание...

История человека — это история борьбы за выживание... Судьба человека — это борьба за выживание...

Галина Николаева, «Жатва», роман. (Журнал «Знамя», 1948 г., 5, 7, 1948 г.).

Обзор военных действий в Корее

Командующий войсками интервентов в Корее генерал-лейтенант Уокер хвастливо заявил, что контракты американских частей в районе Чинчжу являются «историческим маневром». В припадке самонадеянности и самообольщения Уокер продолжал: «Это было чудом».

Но «чудо» не произошло. Уокер потропился с оценкой «исторического маневра» интервентов. В течение нескольких дней части 24-й пехотной дивизии и морской пехоты пытаются вернуть потерянные ими здесь позиции на небольшой реке Намган (приток Нактонгана). Однако все их контракты захлебываются.

По сообщению корреспондента агентства Юнайтед Пресс Беннихофа, находящегося при штабе 24-й дивизии, части Народной армии Кореи ударили на район Чхангана по флангу американских войск. Продвигаясь на юго-восток, они достигли места впадения реки Намган в Нактонган (близ города Мирян), блокировали речную переправу и тем самым отрезали пути сообщения американцев с портом Масаи, расположенным на южном побережье, недалеко от Пусана.

Военный обозреватель газеты «Дейли Компас» Вернер называет американское контрнаступление на Чинчжу ограниченным. Вернер отмечает, что интервенты не в силах поддержать это наступление операциями в других секторах, и потому оно может «оказаться опасным». Касаясь причин, в результате которых американское контрнаступление не имело успеха, Вернер ссылается на превосходство Народной армии Кореи не только в качестве войск, но и в тактике. «Тактика северо-кореицев вполне отвечает требованиям современной войны», — пишет он.

Даже представитель штаба Макартура, как об этом передавало 11 августа лондонское радио, признает, что части Народной армии в районе восточнее Чинчжу не утратили наступательного духа.

По данным лондонского радио, части Народной армии значительно укрепили свой плацдарм, который находится севернее и западнее Масаи.

Корреспонденты английских газет подчеркивают, что расширение этого плацдарма создает угрозу для коммуникаций интервентов на южном участке фронта.

Параллельно и отбивая попытки интервентов перейти в контрнаступление, Народная армия продолжает свое продвижение вперед. В центральном секторе фронта она расширяет свои плацдармы на правом берегу реки Нактонган.

«Американские войска, — свидетельствует корреспондент агентства Ассошиэтед пресс, — не смогли выполнить приказ генерала Уокера — ликвидировать предместное укрепление кореицев к югу от Тэгу». Форсирован здесь речной рубеж несколько дней назад, наступающие части Народной армии угрожают интервентам окружением.

Как сообщает главное командование Народной армии, в районах Тэгу, Пусан, Мирян и Хэчжу значительно усилились боевые действия партизанских отрядов.

Поддерживая наступление Народной армии, партизаны совершают успешные налеты на тылы противника, разрушают коммуникации и военные сооружения. Их удары подвергаются главные железнодорожная и шоссе магистраль Тэгу — Мирян — Пусан.

Народная армия продолжает также наступательные операции вдоль реки Нактонган. Особенно жестокое схватки прохо-

дят к югу от города Еванг, где американская 1-я мотомеханизированная дивизия также пытается перейти в контрнаступление.

Однако части Народной армии врываются дальше на юг. Упорные бои ведутся на подступах к Тэгу. Корреспондент агентства Рейтер, находящийся в Тэгу, передавал 10 августа, что крупные танковые и пехотные части Народной армии окружили город с двух сторон и прорвались в его предместья. Лысымановская клика еще 9-го числа покинула свою «временную столицу», а вслед за ней из Тэгу бежали члены незаконной Комиссии ООН по Кореи. «Эвакуация города американцами и лысымановцами», — указывает корреспондент, — идет по воздуху, по железной и шоссе дорогам, ведущим в Пусан и к восточному побережью.

На восточном побережье наступательные действия Народной армии за последнее время ознаменовались новым успехом. «В ночь на 11 августа, — как передает лондонское радио, — северо-кореицы выдвинули в направлении внезапную атаку в направлении на портовый город Пхохан». Как известно, в Пхохане в свое время высадились американская 1-я мотомеханизированная дивизия. Тогда при поддержке авиации и военных кораблей, патрулирующих в Японском море, интервенты на некоторое время задержали наступление Народной армии вдоль побережья. Портовый город Пхохан, находящийся в 40 км севернее Пхохана, неоднократно переходил из рук в руки. 9 августа интервенты вновь были выбиты из Пхохана. Ныне, по данным лондонского радио, после ожесточенных боев освобожден также и Пхохан. Активное участие в освобождении Пхохана приняли также партизанские отряды.

Сейчас бои развернулись за расположенный недалеко от города американский аэродром, являющийся авиабазой интервентов. Американцы прилагают все усилия, чтобы удержать этот аэродром. Американцы использовали порт Пхохан, как вспомогательную базу для снабжения Пусана.

Пхохан важен не только как порт, но и как опорный пункт, прикрывающий подступы к Пусану, от которого он находится на расстоянии 100 км. «По признанию американского командования, — сообщает гамбургское радио, — продвижение северо-кореицев в районе Пхохана считается более опасным, чем их наступление на юго-восточном участке реки Нактонган».

Корреспондент агентства Ассошиэтед пресс приходит к выводу, что наступление Народной армии от Пхохана создает угрозу войскам интервентов, находящимся в районе Тэгу. Корреспондент газеты «Дейли Компас» выразил опасение, что «северо-кореицы войска, наступающие на Пхохан, могут опрокинуть всю американскую оборону и открыть путь для решающего наступления на Пусан с севера».

Джон Пит

Я ВЫБРАЛ МИР

Несмотря на то, что два с половиной года назад англо-американские планы реинтеграции Западной Германии находились еще в стадии разработки, предпосылки для их осуществления создавались уже тогда. Руководители представителей английских властей вели частные переговоры с немецкими промышленниками, во время которых обсуждался вопрос о наиболее рациональном использовании их фабрик в военных целях. Публично эти представители заявляли о необходимости «ограничения и контроля немецкого военного потенциала, чтобы Германия уже никогда не могла вести войну», а в частных беседах с корреспондентами они высказывали мнение о том, что подобная политика была бы ошибочной и что «истинная опасность грозит с Востока».

В феврале 1948 года западные державы приняли решение осуществить свои намерения в отношении распада Германии и включить Западную Германию в военную систему «западного мира».

Англо-американские корреспонденты, жаждавшие увидеть свои фамилии, набранные крупным шрифтом на первых страницах газет, начали поставлять «сенсационные» сообщения о «статистике», якобы рассчитанной на то, чтобы «уморить голодом» население западных секторов Берлина. Однако все эти журналисты упорно умалчивали о том обстоятельстве, что власти Восточного Берлина предложили снабжать продовольствием все население Берлина и что десятки тысяч жителей западных секторов получали продовольственные пайки в восточном секторе в течение всего времени так называемой «блокады».

Из бесед, которые я имел ко, после, а также во время «блокады» почти со всеми руководящими деятелями западного лагеря — начиная от генерала Льюиса Клея, начальника американской военной администрации, и кончая его маршноткой

Эрнстом Рейтером, псевдосоциалистическим идеологом и руководителем западнберлинского магистрата, — я вынес твердое убеждение в том, что все эти кампании имели целью изобразить перед мировым общественным мнением картину «бедного, маленького, голодающего Берлина», которому «угрожают страшные русские».

Пропаганда войны и ненависти к Советскому Союзу приняла совершенно истерический характер. Западноберлинская пресса, возглавляемая такими социалистическими газетами, как «Телеграф» и «Социал-демократ», щедро снабжала корреспондентов материалами для «блестящих выступлений». Многие из «корреспондентов» в этих двух газетах (как, впрочем, и в других газетах Западного Берлина) были настолько наглыми, что им не верили даже самые живые из журналистов. Тем не менее они переплавали по в газету Лондона, Нью-Йорка, Парижа и т. д.

Но однажды даже лондонское бюро агентства Рейтер оказалось не в состоянии переварить «перл» из «Социал-демократа». Это произошло в конце 1948 года, когда газета впервые заявила в передовой статье: «Берлин стоит войны». Спустя несколько минут после передачи мной этого сообщения из Лондона поступил недоумительный запрос: «Цитата, очевидно, должна звучать: «Берлин не стоит, повторяю, не стоит войны». И мне пришлось объяснить моим лондонским коллегам, что в разрушенном бомбардировками Берлине существует газета, которая в своей безграничной ненависти к строящемуся на Востоке новому миру действительно выступила с призывом свергнуть человечество в тину новой и еще более страшной войны.

Даже представители западных держав, которые, казалось бы, при помощи своих шпионов должны были иметь некоторое представление о том, что происходит в Германской демократической республике, охотно верили самым невероятным и лживым сообщениям западноберлинской прессы. Так, например, начальник политической

отдела британской военной администрации в Берлине Питер Рэмботтом уверял меня, что в Восточной Германии создана новая армия. Когда я спросил его, из какого источника получены эти сведения, он ответил: «Об этом сегодня напечатана большая статья в газете «Телеграф»».

В Берлине, более чем где бы то ни было, западные корреспонденты представляют собой послушные орудия в руках крупных магнатов прессы, разжигающих военную истерию.

Начиная с того момента, когда я пришел в Западный Берлин, чтобы начать здесь в марте 1948 года свою работу в качестве корреспондента агентства Рейтер, и вплоть до того дня, когда я перешел в демократический сектор Берлина, так как больше не мог служить поджигателям войны, мне становилось все труднее и труднее совмещать свои личные взгляды со служебными обязанностями.

Большинство англо-американских журналистов относились совершенно равнодушно к «особенностям» своей работы, хотя некоторым из них — порядочным людям — временами становилось не по себе. Лучшим прежде всего своим хорошим заработком и считая нормальным явление вольных языков «свободного предпринимательства», они продолжали слепо служить своим газетным королям.

Я вспоминаю многочисленные беседы со своими коллегами, происходившие после того, как они переплавали по телеграфу какое-нибудь особенно лживое сообщение.

— Ну, конечно же, я знаю, друг мой, что все это бредня, — говорили они в таких случаях, — но все равно это будет сенсационной новостью, которая попадет на первую страницу.

Или же отвечали:
— Как вы думаете, за что мне платят две тысячи фунтов в год?
Наконец, находились и такие, которые говорили: «Кто-то же должен это делать. Почему же не я?» — аргумент, неоднократно приводившийся в свою защиту военными преступниками.

Продолжение. Начало см. «Литературную газету» № 45 и № 46.

Запретить атомную бомбу! Остановить американскую интервенцию в Корее! За мир и вечную дружбу с Советским Союзом и всеми свободными народами! — эти лозунги объявляют во Франции борцы против войны. 12.000.000 подписей, собранных по всей стране под призывом Постоянного Комитета Всемирного конгресса сторонников мира, — грозное предостережение честных французских правительству Плевена, намеренного по указке Вашингтона увеличить военные кредиты и продлить срок военной службы.

Почетное место в рядах французских сторонников мира занимают трудящиеся департамента Сены — 7 августа под Стокгольмским Воззванием в этом департаменте подписало более 2,5 миллиона жителей. Выше 90 процентов населения Парижского района уже присоединилось к призыву Постоянного Комитета.

На левом снимке вы видите участников демонстрации сторонников мира в Париже, которые несут плакат с надписью: «Корея — корейцам, Вьетнам — вьетнамцам».

Со всех концов Америки, из каждого штата, из каждого города непрерывным потоком продолжают поступать сведения о ходе кампании по сбору подписей под Стокгольмским Воззванием. Люди различных профессий, политических убеждений и религиозных верований гневно протестуют против американской агрессии в Корее. Выше ста известных писателей, художников США, среди которых художник Рокуэлл Кент, драматург Арно Джоско, писательница Марта Долд, опубликовали заявление, призывающее американское правительство мирным путем регулировать корейский вопрос.

На всемирной конференции, организованной Комитетом сторонников мира в городе Кильланде (штат Огайо), говорится: «Своими руками вы можете предотвратить атомную войну! Подписывайтесь под требованием мира! Если мы, народы всего мира, скажем войне «нет», — мы сохраним мир».

Один миллион триста пятьдесят тысяч подписей под Стокгольмским Воззванием — вот достойный ответ американского народа на кровавую авантюру Трумэна в Корее.

(Снимки из французского журнала «Регар»)

Международные ОТКЛИКИ

ВОЕННЫЕ ПИСАКИ И ГАЗЕТНЫЕ ВОЙКИ

Как известно, в американских сводках с корейского фронта все больше и больше преобладает «дипломатический» язык. Запас воинственного запора, который так и не сумели применить военные писки из штаба Макартура, решили использовать газетные войки в сообщениях на Лейк Саксееса. «Социальные Штаты пришли первыми...» — так комментировала печать первые сообщения о заседаниях Совета Безопасности.

Но воинственным болтунам из госдепартамента победные лавры очень скоро оказались еще меньше к лицу, чем болящие предложения, представляющие по меткому выражению китайской газеты «Дубоайбао»: «ключ к превращению Организации Объединенных Наций в действенное орудие его же» — вызвало такой горячий прием у миролюбивых людей во всех странах, что его уже не могут игнорировать даже самые завзятые фальсификаторы общественного мнения. Газета «Нью-Йорк геральд трибун» злобно шипит по поводу того, что выступление Малина имеет «огромное влияние на миллионы людей в Азии и в других странах», и с горечью признает, что «любителям такого оглушительного резонанса — это уже дипломатическая победа».

Надо ли удивляться, что в такой обстановке газетным войкам пришлось последовать примеру военных писков и заключить столь шумно начатую кампанию умышленной сводкой в «Нью-Йорк пост»: «На военном и дипломатическом фронтах наступило мрачное время».

Победные фанфары сменились поисками причин поражений, столь неотступно преследующих США на всех фронтах. Неизвестный Уолтер Липман неохотно вопрошает: «Почему получается так, что, как только русские вступают на дипломатическую арену, мы снова оказываемся в обороне?». Этот вопрос не на шутку тревожит и других газетных войков.

Можно бы, конечно, обратиться к истории самих США и попытаться узнать, почему, скажем, в 1863 г., когда им грозила английская интервенция, мар Нью-Йорка мог с уверенностью заявить: «Мы знаем, что английский рабочий класс с нами?» И почему, действительно, в те годы английские рабочие, вопреки пропаганде всей буржуазной печати и несмотря на то, что гражданская война в США, откуда Англия ввозила хлопков, обрекала их на безработицу и голод, решительно выступили на защиту правительства Севера? «При таких условиях, — писал рабочий Англии президент Линкольн, — ваше решительное выступление... является в моих глазах примером высочайшего христианского героизма». Как видно, и в то время лишь справедливая борьба народа за восстановление единства своей страны, а отнюдь не интервенция, могла вызвать сочувствие прогрессивных сил во всех странах.

Но наемники Уолл-стрит запрещены подобные воспоминания. Вместо этого они обвиняют свой госдепартамент в том, что он, по словам Рестопа из «Нью-Йорк таймс», не сумел предостеречь «ни достойных аргументов, ни достойных людей».

ФАКЕЛЬЩИКИ У МИКРОФОНА

Пять не слишком благовопитанных джентльменов, вооружившись сигарами, собрались после завтрака поболтать о ходе событий в Корее. Британская радиовещательная компания услужливо транслировала их беседу по всему миру и окрестности ее «радиодискуссион» на тему «Каковы наши цели в Корее». Беседающая: бывший заместитель министра иностранных дел Англии Майхью, член парламента консерватив Флетчер, австралийский профессор истории Александер, корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Лондоне Уэллес и комментатор Лосоттен.

Поскольку микрофон был расположен на достаточно почетном расстоянии от Кореи, решено было, так сказать «условно», считать, что американские войска уже пересекли «38-ю параллель».

Покончив с одним вопросом, джентльмены ввязались за обсуждение другой проблемы. Что должна представлять собой Боевая после того, как американские войска в подгосударства Майхью, Флетчера и других участников дискуссии перешагнут через «38-ю параллель»?

Мистер Флетчер считает, что после этого Корею следует превратить просто в «локальную территорию» (иначе говоря, в американскую колонию), поскольку лишь «через много лет» она «станет готовой к самоуправлению».

Австралийский профессор Александер нашел это предложение расхолаживающим колонизатора «очень интересным». Более того, по его мнению, пора отказаться вообще от маскровокисловых попыток прикрыть агрессию флагом ООН. Пришло время открыто провозгласить «возвращение США в политические сферы»!

Мистер Уэллес, в свою очередь, подтвердил, что стремление некоторых англо-американских политиков представить бой в Корее, как «борьбу за авторитет ООН», наивно и неприемлемо. Агрессия в Корее, подчеркнул он, следует рассматривать, как «борьбу за сферы влияния».

Такая прямолинейность несколько ошарашивала даже и на все готовых, ко всему привычных английских факельщиков. И они вынуждены были, быстро оставив разговор о Корее, заняться «дальневосточной проблемой в целом».

С нашей точки зрения, в организации прошедшей радиодискуссии упущена одна мелочь: ее следовало бы назвать «Видит око, да зуб неймет». В этом случае не только «пей» американцев в Корее, но и возможность их осуществления сразу претворилась бы в истинный свет... ЛИТЕРАТОР

Михаил МАКЛЯРСКИЙ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ВЫДВИНУТЫЕ НА СОСКИСКАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕМИИ МИРА

Разоблачение «богов»

«Если кинофильм, который доступен миллионам зрителей, удастся правдиво раскрыть взаимосвязь событий, приводящих к войне, и показать людям, готовящим военные преступления, то он становится могучим оружием защиты дела мира», — так писала недавно газета «Ньюс Дейчланд», орган Социалистической единой партии Германии, о новом фильме ДЕФА «Совет богов», поставленном по сценарию Фридриха Вольфа и Филиппа Гехта режиссером Куртом Меттигом, известным зрителю по картинам «Брак в тени» и «Пестроцветчатые».

Германский комитет защиты мира выдвинул кинофильм «Совет богов» на соискание Международной премии мира.

Коллектив, работавший над фильмом, поставил своей задачей раскрыть одну из тайн, в которых рождалась вторая мировая война, возникшая «как неизбежный результат развития мировых экономических и политических сил на базе современного монополистического капитализма». (Сталин).

Люди, выведенные в фильме, носят вымышленные имена. Но зритель без труда разгадывает в тайном советнике Маухе, в промышленнике Тильгере и в других персонажах, которые составляют «Совет богов», восседающих на вершине капиталистического Олимпа, — хозяев известного немецкого концерна «ИГ Фарбениндустри». Содержание картины — правдивая история преступлений самого могущественного объединения германских капиталистов.

Фильм начинается с того трагического момента в судьбе немецкого народа, когда разбойничья клика Гитлера захватила в свои руки государственную власть, и завершается сегодняшним днем.

Фильм начинается с того трагического момента в судьбе немецкого народа, когда разбойничья клика Гитлера захватила в свои руки государственную власть, и завершается сегодняшним днем.

Фильм начинается с того трагического момента в судьбе немецкого народа, когда разбойничья клика Гитлера захватила в свои руки государственную власть, и завершается сегодняшним днем.

Фильм начинается с того трагического момента в судьбе немецкого народа, когда разбойничья клика Гитлера захватила в свои руки государственную власть, и завершается сегодняшним днем.

Фильм начинается с того трагического момента в судьбе немецкого народа, когда разбойничья клика Гитлера захватила в свои руки государственную власть, и завершается сегодняшним днем.

Фильм начинается с того трагического момента в судьбе немецкого народа, когда разбойничья клика Гитлера захватила в свои руки государственную власть, и завершается сегодняшним днем.

зорождение фашистского государства и дальнейшие его судьбы; показывает развитие агрессивной империалистической политики фашизма, приведшей ко второй мировой войне.

Перед зрителем фильма раскрываются крепчайшие международные связи, объединяющие конерны различных капиталистических государств.

Теперь хорошо известно, что концерн «ИГ Фарбениндустри» еще в 30-х годах установил картельное соглашение с крупнейшим американским нефтяным концерном «Стандард Ойл оф Нью Джерси», а через него — с английским концерном «Ройял Датч Шелл».

Лишь на основе этих соглашений фашистская Германия могла готовить свою экономку ко второй мировой войне. В частности, накануне войны «ИГ Фарбен» по прямому поручению нацистского правительства приобрел через «Стандард Ойл» на двадцать миллионов долларов авиационная и другие нефтепродукты, создав таким образом, огромный запас горючего. Без этого запаса гитлеровская клика не имела бы возможности пуститься в военную авантюру. Но этим далеко не исчерпывалась помощь, оказанная нацистскому агрессору англо-американскими нефтяными магнатами. Характер картельных соглашений был таков, что даже во время войны не прекращались тесные связи фашистской Германии с монополиями США и Англии.

Чувственным парадоксом кажется зрителю рассказ авторов фильма о том, как «ИГ Фарбен» не только не страдал от налетов англо-американской авиации, но наживался на каждом рейсе вражеских самолетов. Действительно, англо-американские летчики заблуждаясь прокладывали курс своих самолетов подальше от предприятий немецкого концерна, а концерн, через картельное соглашение со «Стандард Ойл», получал известный процент прибыли от взвешиваемого англо-американским военновоздушным флотом бензина.

Одна из самых мрачных фигур в том паноптикуме современного империализма, который показан в фильме, — это мистер

Лаусон, представитель «Стандард Ойл оф Нью Джерси».

Мы видим в фильме, как в разгар второй мировой войны американец Лаусон встречается в нейтральной Швейцарии с представителем «ИГ Фарбен» — германским промышленником Тильгером. Политический смысл этой встречи полностью раскрывается в следующих репликах:

«Лаусон: Рузвельт считает, что Германия — враг номер один, а мы полагаем иначе. Для нас существует одна опасность... Тильгер: Именю? Лаусон: Если русские сделаются сильнее, мы станем сильнее...»

Теперь широко известно, что матерый шпион и представитель американских банковских кругов Алден Даллес (брат безызвестного Джона Фостера Даллеса) в феврале 1943 года встречался в Швейцарии с гитлеровским представителем князем Гогенлоу. Они обсуждали план секретарских действий против Советского Союза, план превращения второй мировой войны в войну одного империалистического фронта против СССР.

Лаусон не прерывает связи с «ИГ Фарбен» и после войны, когда волею победивших гитлеровцев Германия народных, возглавляемых советским народом, руководителем немецкого химического концерна были посажены на скамью подсудимых, как военные преступники.

Один из главных персонажей картины, ученый хвямик Шольц, долгое время полтавский, что он трудится по славу науки, а впоследствии убедившись в своей слепоте, разоблачает на судебном процессе преступные деяния концерна. Он рассказывает, в частности, о том, как в лабораториях концерна производились зверские опыты над живыми людьми. На жаргоне дипломатических убийц из «ИГ Фарбен» эти жертвы именовались... «экспериментальными объектами».

Казалось бы, сотой доли этих разоблачений достаточно, чтобы приговорить виновных к самому строгому наказанию. Но... картельное соглашение действует. И с по-

мощью того же Лаусона суд превращается в постыдный балаган, где оскверняется светлая память тех, кто отдал жизнь за победу над германским фашизмом.

С гневным сарказмом и в полном соответствии с истиной показывают авторы «второй бит» этих преступников: камеры, превращенные в удобные опочивальни; «арестантов», расхаживающих в атланских халатах; тюремщиков, пропускающих к подсудимым массажистов и смазанных девиц с изысканными утончениями.

Во время комедии суда Лаусон не прекращает своей деятельности. Он добивается восстановления немецкого концерна. В конце фильма показывается, как «ИГ Фарбен» снова осуществляет свою преступную деятельность в западных зонах Германии, помогая американским империалистам, превращающим Бонскую Германию в арсенал новой мировой войны.

К борьбе с проклятыми врагом мира призывают заключившие картину слова доктора Шольца: «Танки бессильны против масс миролюбивых людей».

Фильм «Совет богов» производит сильное впечатление не только глубиной своего содержания, но и великолепной игрой большинства артистов и высоким операторским мастерством. Особенно выделяются актеры — Фриц Тильман, играющий трудную роль Шольца, Пауль Билдт (тайный советник Маух), Вилли А. Клейнау (Лаусон), Ганс-Горг Рудольф (Тильгер) и Ивонна Мерин (лady советника Маух).

На недавно закончившемся международном кинофестивале в Карловых Варах (Чехословакия) жюри фестиваля присудило фильму «Совет богов» почетный диплом. Заслуженный успех картины — еще одно свидетельство того, что новое немецкое демократическое киноискусство находится на верном пути.

Главный редактор К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. НИКОВЕВ, Н. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора), П. ФЕДОСЕЕВ.